

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Работа по курсу
«Теория массовых коммуникаций»
на тему

**«Проблема коммуникации в романе Германа
Мелвилла “Моби Дик”»**

*Опыт фантастического литературоведения в жанре
мистической публицистики.*

студентки V курса д/о группы 501
Дулиной Анны Викторовны

МОСКВА
2014

Содержание

Предисловие

Коммуникация с трансцендентным как необходимость.....3

Основная часть

Тема экзистенциальной коммуникации в романе

Германа Мелвилла «Моби

Дик».....7

Ахав и Измаил. Закрытость и открытость

к экзистенциальной

коммуникации.....16

Послесловие

«Я предпочитаю отказаться». Проблема

неспособности к экзистенциальной коммуникации

в творчестве Германа

Мелвилла.....22

Список использованной

литературы.....26

Предисловие

Коммуникация с трансцендентным как необходимость

*«Не тронут притязаньями эпохи
Античный сфинкс в таинственной тени.
Отчаянье грядет – с ним шутки плохи, -
И льются твердокаменные вздохи,
И на челе зияют наши дни»¹.*

Из поэмы «Клэрел»

Г. Мелвилл

Сегодня говорят, что индустриальная эпоха сменилась эпохой информационной и коммуникации начали играть решающую роль в жизни человечества. Теоретики коммуникации сегодня занимаются изучением новых медиа, ищут суть происходящих в обществе изменений в сфере прогресса средств коммуникации, и этот подход приносит свои результаты. Но это вовсе не значит, что коммуникация есть нечто присущее только человеку, живущему в новом - информационном обществе, и что она ограничивается межличностным взаимодействием, какими бы не средствами не осуществлялась. Не было таких времен, когда информация не была бы важна человеку, а коммуникации не играли никакой роли в его жизни. Человек – животное, в первую очередь, информационное, а коммуникации всегда, от начала, были важнейшей частью его жизни, и это отнюдь не только коммуникации между людьми, но и

¹ Из поэмы «Клэрел», часть четвертая, глава XXXV. Пер. В. Топорова

коммуникации с окружающим миром и с миром непознаваемого, трансцендентного. Карл Ясперс писал: «Сравнение человека с животным указывает на коммуникацию как универсальное условие человеческого бытия. Она настолько составляет его всеохватывающую сущность, что все, что есть человек и что есть для человека... обретается в коммуникации»². Нельзя забывать, что понятие «коммуникация» намного шире теории массовой коммуникации, это также понятие философское, каким оно как раз и представлялось в работах Карла Ясперса. По Ясперсу, «искать истину означает постоянно быть готовым к коммуникации»³ и одно из главных понятий своей экзистенциальной философии – философскую веру – он определяет, в конечном счете, как «веру в коммуникацию».⁴

Важнейший аспект для изучения видел Ясперс в человеческой способности к коммуникации. Придя к этой мысли через исследования в области психиатрии, Ясперс расширил ее на изучение общемировых исторических процессов, на всю жизнь человека и человечества.

Итак, потребность в коммуникации всегда была присуща человеку. Другой вопрос, изменялась ли с течением времени способность человека коммуницировать, считывать поступающую информацию. И вот в то время, когда мы с уверенностью можем говорить о прогрессе в средствах передачи информации между людьми и способах ее дешифровки, мы вслед за Вольтером и Руссо легко можем говорить о регрессе в истории человечества в контексте разговора о том, лучше или хуже стал человек со временем

2 Jaspers K. Vernunft und Existenz, S. 57 – цитирую по П.П. Гайденко «Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса»

3 К. Ясперс «Философская вера» // К. Ясперс «Смысл и назначение истории» М., 1994, стр. 170

4 Там же, стр. 442

коммуницировать с миром в его природном и духовном аспекте. Доказательств тому множество, сегодня этот процесс осмысливается по-разному в разных сферах – от очевидных экологических проблем, вскрытых наукой, до экспериментов в области искусства по деконструкции художественного языка. Человек скорее утрачивает, чем приобретает способность к коммуникации. Он подменяет прогрессом в технике процесс общения межличностного в его экзистенциальном смысле и с миром как с трансценденцией.

Откуда может следовать, что древние люди больше современных были открыты к коммуникации? В первую очередь, из факта создания ими древних мифологий. Существует на сегодняшний день множество теорий и гипотез о происхождении мифа как такового (этеологическая рефлексия, эвгемерический метод, анимистическая теория, психоаналитическая теория и другие). Однако даже тот факт, что столько веков мифы никуда не исчезают, живут и, более того, до сих пор после стольких теорий открыты самым разнообразным вполне доказательным толкованиям, говорит о том, что в мифах в первую очередь изначально заложена важнейшая для человека *информация*. Миф оказывается не просто выдумкой, плодом чистой фантазии, а формой выражения полученных знаний о мире, о вселенной. Он состоит из символов, а не из понятий, а потому не является выражением какого-то единого, однозначного, когда-то установленного смысла. Миф является скорее указателем пути для исследователя. И смысла в нем открывается тем больше, чем внимательнее и глубже его изучать.

Получается, что если мифы - не просто фантазии наших далеких предков, то значит мифы эти указывают на некую полученную

древними людьми достоверную информацию о мире. Что это за информация мы можем судить, исследуя тексты самих мифов, и приходиться ко все новым и новым вполне определенным смыслам. А вот откуда являлась эта информация авторам мифов мы можем только догадываться и подозревать, что они обладали значительно большими коммуникационными способностями, чем мы, живущие в информационную эпоху.

В те, древние времена, переходя на язык мифов, символизировавший вселенскую мудрость Сфинкс общался с человеком. Да, он не был исключительно благодетелем человека, он был суров и требователен к нему, требовал по различным версиям разных жертв, а также недюжинной интуиции, чтобы отвечать на его загадки, но сегодня уже не стоит вопрос о том, как разгадать загадки Сфинкса. Сегодня мы даже не способны внимать этим загадкам, мы не способны коммуницировать со Сфинксом, не способны даже чувствовать его в его «таинственной тени». Мы утратили, или по крайней мере утрачиваем, способность к коммуникации с трансцендентным.

Эту проблему постепенной утраты способности человека коммуницировать с трансцендентным и со средой, в котором он существует, если не осознавали, то чувствовали в разные времена величайшие умы человечества. Нет ничего странного в том, что уже в середине девятнадцатого века Герман Мелвилл писал об утрате человеком такой необходимой ему способности к коммуникации, отсутствие которой ведет только к «грядущему отчаянию» и «науке, набирающей сил лишь для того, чтоб землю сжечь дотла»⁵.

⁵ Из поэмы «Клэрел», часть четвертая, глава XXXV. Пер. В. Топорова

Основная часть

Тема экзистенциальной коммуникации в романе Германа Мелвилла «Моби Дик»

*«Бегут по свету провода,
По дну морскому... но всегда
Безадресно, косноязычно...»⁶*

Из поэмы «Клэрел»

Г. Мелвилл

К понятию «экзистенциальная коммуникация» Карл Ясперс пришел через свои размышления над проблемами и задачами психиатрии. В существовавших методах лечения больных он отчетливо видел недостаток, который заключается в том, что душевнобольного врач рассматривает как исследуемый объект, а не как уникальную личность. Нельзя ставить себя выше пациента, не сообщая ему подробности лечения, заставляя слепо верить врачу, но также недостаточно и просто внешне поставить себя наравне с пациентом, как это делает, например, психоанализ, привлекаящий пациента к лечению себя самого. Во втором подходе очевидно, что врач создает видимость равенства в целях лечения, и поэтому «говорит не от своего лица, а превращается в функцию процесса лечения»⁷.

Единственно действенный способ лечения, а позднее и коммуникации вообще, не только с позиций психиатрии, Ясперс видел в коммуникации экзистенциальной, т.е. такой, в которой происходит взаимодействие личностей.

Однако это понятие не ограничивается построением модели идеального взаимодействия двух людей как личностного

⁶ Из поэмы «Клэрел», часть четвертая, глава XXXIV. Пер. В. Топорова

⁷ Ibid S. 126 – цитирую по П.П. Гайденоко «Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса»

сопереживания. Ясперс проговаривает в дальнейшем, что экзистенция теряет всякий смысл без понятия трансценденции. Экзистенциальная коммуникация становится возможна только через «восхождение» к трансцендентному. «Таким образом, проблема понимания и коммуникации оборачивается тем, что возникает необходимость восходить к «объемлющему», проливать на него свет с помощью философствования и расшифровывать коды, идущие от него... коммуникация является не только фактором, связывающим человека с человеком, но и фактором связи с трансценденцией. Высвечивание экзистенции есть также и связь (коммуникация) с трансценденцией»⁸.

Получается, по Ясперсу, что возможна коммуникация с трансцендентным, через которую только и возможна экзистенциальная коммуникация как единственно «подлинная». Раз мы можем предположить такую коммуникацию, значит не только человек способен выступать подающим запрос (вопрос, воззвание) к трансцендентному (видами чего являются закрепленные в религиозном сознании формы общения с Богом – обряд, молитва, а также проповедь), но и трансцендентное должно выступать отправителем некоего сообщения человеку. Не о таких ли бесконечных и всеохватывающих коммуникационных сетях пишет Мелвилл в строчках из поэмы «Клэрел» о «по свету бегущих проводах», которые передают некое сообщение, но из-за неспособности человека их дешифровать, остаются безадресными и непонятыми?

Главной темой романа «Моби Дик» в свете такого рассуждения оказывается проблема как раз такой коммуникации

⁸ Е. М. Полуяхтова «Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса»

трансцендентного и человека. Открытый к такой коммуникации рассказчик Измаил⁹ всю окружающую его реальность осмысляет и переводит в символы. Во всем – от китового скелета и всплывающего белого спрута до особенностей китобойного промысла и самой истории «Пекода» он видит зашифрованное послание. Об этой особенности повествования написано немало: «Искусство и легкость, с которыми Мелвилл осуществляет этот переход от изображения конкретного действия или предмета к абстрактному размышлению, поразительны. Иногда этот переход совершается в несколько приемов: от конкретного факта в матросской легенде и отсюда уже в безбрежный мир отвлеченной мысли, символов и аллегорий; иногда даже непосредственно – через неожиданную ассоциацию»¹⁰. Н. А. Шогенцукова подмечает, что основным приемом Мелвилла для таких «восхождений» смысла, является метаформа: «Онтологическое качество присуще самой природе метафоры. Она — блистательное орудие познания. Эту способность метафоры и использует Мелвилл, ведь, как он пишет, его предмет — "тайна, лежащая за зримой чертой", его цель — "разгадать непостижимое" ... Измаил все сравнивает со всем, понимая невозможность познания, проникновения в суть и обозначения ее»¹¹.

Таким образом, Измаил представляет мир, передающим некое сообщение, которое однако, никогда невозможно охватить и познать до конца, можно только приблизиться к нему путем аллегорий и создания символов.

9 Имя «Измаил» переводится как «Бог слышит». Измаил изначально открыт тем самым к коммуникации, как верящий в наличие способного к коммуникации трансцендентного.

10 Ю. Ковалев «Герман Мелвилл и американский романтизм», Л., 1972, стр. 192

11 Н. А. Шогенцукова «Опыт онтологической поэтики», М., 1995, стр. 103

Тот факт, что в романе явно звучит тема существования и возможной передачи неких трансцендентных истин подтверждает и мысль Шогенцуковой о том, что сакральные знания зашифрованы в иероглифах, которые по тексту романа, могут испещрять как тело и лицо человека, так и тело и горб кита, а также именно иероглифы, перенесенные со своего тела на свой гроб Квикегом остаются в конце романа со спасшимся Измаилом. Спасшимся как благодаря им, т.е. благодаря гробу-бю как символу смерти-жизни, в котором и сосредоточены «сакральные знания», пусть так и не поддающиеся дешифровке. «В этом видится концентрированная символика сюжета романа. В нем зашифрована мысль о неуничтожимости сакральных, космогонических знаний. Да, "светоч" Квикега, его иероглифы — бессильны, их мудростью никто воспользоваться не может. Но то, что они существуют, внушает надежду»¹².

Иероглифы действительно наиболее близкий образ к понятию «шифров трансцендентного» у Ясперса.

Экзистенциальная коммуникация осуществляется, по Ясперсу, когда человек считывает шифры трансценденции. Философ оговаривает, что сами эти шифры и та образная или языковая форма, в которую их обращает человек, не являются трансценденцией, однако тот сугубо индивидуальный смысл, который воспринимает человек, та информация, которой наполняется его экзистенция – и есть единственно возможная коммуникация с трансцендентным. «Эта информация не является жёстко определённой, она предполагает выбор — свободную интерпретацию»¹³.

12 Там же

13 Е. М. Полуяхтова «Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса»

Если принять наш тезис, что «Моби Дик» в целом роман о коммуникации с трансценденцией, говоря языком Карла Ясперса, или с Трансцендентным, с которыми взаимодействует человек, то становится понятно, что основная его часть посвящена как раз построению возможных моделей такой коммуникации (способов улавливания шифров). Модели разнообразны и представлены через множество точек зрения на мир, что отмечают многие исследователи романа: «В романе каждый персонаж воплощает собой определенный тип отношения к Богу и соответственного поведения... Представлены все мыслимые варианты отношений — и доминирующего нет. Все существуют в романе на равных. И это одна из причин неопределенности позиции, голоса рассказчика. Измаил часто уходит как бы в тень. Именно это помогает не делать его мнение доминирующим»¹⁴.

Такое многообразие и признанный исследователями полифонизм «Моби Дика» также соотносится с тезисом Ясперса о множественности шифров и отсутствии единого точного их толкования. «Не случайно К.Ясперс использует понятие «шифр», стремясь подчеркнуть, что проблема заключается в полной неопределенности и в равенстве всех возможностей»¹⁵.

Однако Измаил, как главный и в итоге утверждаемый герой, максимально сближенный с автором, способный к экзистенциальной коммуникации, действительно в определенный момент отступает в романе как бы на второй план. Наиболее проработанным и выпуклым персонажем романа оказывается капитан Ахав, тот самый «великий нечестивец» и один из наиболее ярких персонажей американской литературы вообще. И

14 Н. А. Шогенцукова «Опыт онтологической поэтики», М., 1995, стр. 96

15 Е. М. Полуяхтова «Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса»

он как раз и с точки зрения рассматриваемого нами вопроса оказывается «раздираем» противоречивыми стремлениями, а именно: он чувствует возможность коммуникации с трансцендентным, он ощущает «всеобъемлющее», видит шифры, но категорически не способен читать их правильно, т.е. толковать их, будучи открытым к этой коммуникации, а не только исходя из собственной безумной установки. «Экзистенция нуждается в другом, а именно в трансценденции, благодаря которой она, не создающая самое себя, впервые выступает как независимый источник (Ursprung) в мире; без трансценденции экзистенция становится бесплодным и лишенным любви демоническим упрямством»¹⁶.

Мелвилл действительно создает много портретов таких «безумцев», таких «несчастных», не способных к коммуникации. Сначала взглянем на группу тех, кто вовсе не чувствителен к ней, а затем попробуем проанализировать, почему к ней оказываются неспособны также и те, кто ее чувствует.

Героев «Моби Дика» можно разделить сначала на две большие группы по принципу способности воспринимать шифры трансценденции: те, кто вообще не способны или не желают их воспринимать, т.е. не способные к коммуникации с трансцендентным (Вилдад, Старбек, Стабб, Фласк, а также команды кораблей «Юнгфрау», «Розовый бутон» и «Холостяк»); и те, кто к такой коммуникации способен и с различной степенью успеха пытается распознавать «шифры трансцендентного» (Ахав, Измаил, Квикег, а также оставшиеся шесть встреченный

¹⁶ Jaspers K. Vernunft und Existenz. S. 48 Цит. По П.П. Гайденоко «Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса»

«Пекодом» кораблей). Разделить персонажей так позволяет главная лакмусовая бумажка романа – отношение к Китаю. В акте прочтения знаков и символов для человека осуществляется коммуникация с Трансцендентным. При этом по логике, сходной с логикой поисков гравитрона в физике, т.е. частицы–проводника взаимодействия, человек наделяет ролью такого места сосредоточения возможности его взаимодействия с Трансцендентным конкретный объект окружающей его действительности. В романе «Моби Дик» таким посредником между Человеком и Трансцендентным становится Белый Кит. Именно стремление установить коммуникацию с Трансцендентным заставляет героев романа коммуницировать с Белым Китом не только как с морским животным, одним из китов, которого надо убить ради получения прибыли, но как с явлением совсем иного порядка (Кит как Абсолютное Зло, Кит как Рок, Кит как Судьба, Кит как Дьявол, Кит как Бог, как Пустота, как Слепая Воля и т.д.)

Первая группа героев не выходит за рамки понимания Кита как морского животного, способа разбогатеть и пропитаться, или же и вовсе не воспринимает кита всерьез, не думают даже о связанных с ним опасностях. Старбек воспринимает кита как «бессловесную тварь» и цель своего «пребывания в грозном океане» видит в том, чтобы «убивать китов для пропитания». Стабб – «бравый моряк» постоянно в веселом расположении духа, в «почти безбожном равнодушии», не способен из-за этого задумывать о чем-либо слишком великом и глубоком, как смерть или Кит. В главе «Рыцари и оруженосцы» Мелвилл описывает отношение третьего помощника Ахава Фласка к китам: «Ему настолько чуждо было всякое чувство благоговения перед многими чудесами и

таинственными повадками морского исполина, настолько недоступна всякая мысль об опасности, связанной с ними, что в его примитивном представлении чудесный кит был чем-то вроде гигантской мыши или, самое большее, морской крысы, и нужно было употребить только долю хитрости и потратить немного времени и сноровки, чтобы забить и выварить его. Это невежественное бессознательное бесстрашие вызывало у него к киту отношение шутливо-легкомысленное; он охотился за китами просто веселья ради; и трёхлетнее плавание в обход мыса Горн было для него всего лишь растянувшейся на всё это время забавной шуткой»¹⁷. Это самое пренебрежительное отношение к китам и путешествию на «Пекоде», которые в романе являются главными «шифрами трансценденции» и только через осмысление которых герои могут вступить в экзистенциальную коммуникацию. Что касается причисленным наравне с персонажами кораблей, необходимо добавить, что это один из важнейших символов в «Моби Дике», корабль – мир, корабль – сознание, и множество других значений отыскивают исследователи для этого символа. Поэтому мы можем говорить о кораблях также, как о героях, в контексте их способности к коммуникации с трансцендентным. Н. А. Шогенцукова справедливо отмечает, что «Каждый корабль, его состояние, определяется через отношение капитана и команды к Моби-Дику»¹⁸. Причисленные нами к неспособным к коммуникации «Юнгфрау» и «Розовый бутон» о Белом Ките и вовсе не слышали, а «Холостяк» «только слышал о нем, да и то в него не верит».

17 Здесь и далее цит. по Г. Мелвилл «Моби Дик, или Белый Кит» пер. Инна Берштейн

18 Н. А. Шогенцукова «Опыт онтологической поэтики», М., 1995, стр. 97

Представители первой группы признают бытие тремя способами, по Ясперсу, - как наличное бытие, как сознание вообще и как дух. А. Б. Демидов в «Феноменах человеческого бытия» трактует эти три «способа объемлющего» Ясперса как соответственно три уровня «я» и три типа коммуникации, соответствующие каждому из уровней. На первом – эмпирическом – уровне «общение индивидов является не целью, а только средством для самосохранения, безопасности, наслаждения»¹⁹, на втором уровне «сознания вообще» - «общение между ними [индивидами, на этом уровне отличающимися лишь количеством усвоенных знаний] основано на формально-правовом принципе "равенства всех перед законом" и представляет собой "обмен мыслями"', и на уровне «духа» «коммуникация – это есть создание из общественной субстанции идеи целого... коммуникация отдельного члена с организмом»²⁰. И лишь четвертый тип – экзистенциальная коммуникация – коммуникация подлинная.

Итак, прекрасно осознавая, что нам «не подцепить на крючок левиафана», и что «всякое дело рук человеческих, объявленное законченным, тем самым уже является делом гиблым»²¹ попробуем проанализировать лишь некоторые из представленных в романе разной степени успешности вариантов коммуникации с трансцендентным. Все они определяются также через отношение к Киту.

19 А. Б. Демидов «Феномен человеческого бытия»

20 П.П. Гайденок «Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса»

21 Г. Мелвилл «Моби Дик, или Белый Кит»

Ахав и Измаил. Закрытость и открытость к экзистенциальной коммуникации

*Пусть сердце...
... вывется пловцом из бездны моря,
Пусть пламенной тайною впотьмах
Горит в груди еще под гнетом горя.
Еще не поздно выплыть в те края,
Где смерть сама – победа Бытия»²².*

Из поэмы «Клэрел»

Г. Мелвилл

Быть открытым к коммуникации значит предполагать ответ и быть готовым его услышать и принять. Когда же человек обращается к чему или кому-либо заранее зная, что коммуникация либо не состоится, либо как именно он истолкует любой из полученных ответов, тогда подлинная коммуникация становится невозможна. Закрытость и открытость к экзистенциальной коммуникации, в которой основной аспект – способность осмыслять «шифры трансцендентного» - воплощают фигуры главных героев романа – капитана Ахава и рассказчика - Измаила.

Сфинкс – значимый образ для Мелвилла. Как мы уже показали, он в том числе становится символом возможной коммуникации человека с высшей мудростью, с трансцендентным. В «Моби Дике» со сфинксом сравнивается кит: «Голова [кита] была чёрная и крутоверхая; едва покачиваясь среди полного затишья, она казалась головой Сфинкса в пустыне». В главе «Сфинкс» Ахав обращается к

²² Из поэмы «Клэрел», часть четвертая, глава XXXV. Пер. В. Топорова

этой голове кита, призывая ее «поведать скрытую в ней тайну». Он описывает ее как жившую в самом «всеобъемлющем»: «эта голова двигалась среди глубинных устоев мира...», ее дом в самом мировом океане, который у Мелвилла как образ разрастается до масштабов мира, космоса, трансцендентного и одновременно до глубин бессознательного человека. И вот Ахав, совершенно верно осознавая кита как жителя этого «всеобъемлющего», способного что-то о нем поведать человеку, совершает главную ошибку в своем обращении к голове кита. Он заранее трактует ее возможный ответ как рассказ о злом и безбожном мире: «О голова! ты повидала довольно, чтобы раздробить планеты и Авраама сделать безбожником, но ни словом не хочешь обмолвиться ты!». Само «всеобъемлющее», к которому он якобы взывает за ответом, он тоже наделяет исключительно негативными чертами. Глубины океана он называет «смертоносным трюмом фрегата „Земля“, где лежат балластом кости миллионов утопленников».

Обращаясь к глубине, Ахав заранее уверен в ее злой и ужасной природе, враждебной человеку и в том, что она не желает с ним разговаривать. Тогда как, например, для Измаила образ глубины (трансцендентного) отнюдь не так однозначен. Глубина, разумеется, тоже страшит его, но он испытает перед ней скорее благоговейный трепет и несколько раз в тексте повторяется, что в глубине скрыто в первую очередь не зло, а *драгоценное знание*. Измаил описывает множество легенд и мифов всевозможных народов, связанные с китами, и в том числе рассказывает, как Вишну необходимо было, прежде чем заново создать мир, сначала изучить Веды. И вот эти самые мистические книги, содержащие столь важное сакральное знание о мире «лежали на дне морском», и Вишну обращается в кита, чтобы нырнуть в «самые глубочайшие глубины и извлечь

оттуда священные фолианты». Еще один образ для примера – извлечение из пугающей глубины самого кита бесценный клад – серую амбру. Глубина хранит священные тайны, а не трупы и разбитые надежды людей, как полагает Ахав. Вместо того, чтобы как Ахав призывать голову кита в свои союзники против мира, Измаил, например, посвящает полностью целых две главы сравнительному изучению голов китов, которое заканчивает не единым четко сформулированным выводом (ведь познание шифров до конца невозможно), а иронично-почтительной гипотезе о китах как философски мыслящих существах: «Этот кит, я считаю, был стойком, а кашалот – платоником, который в последние годы испытал влияние Спинозы».

Более того, в «Моби Дике» действительно содержатся ответы трансцендентного – в тексте разбросано множество пророчеств и предостережений героям романа. Их можно вполне трактовать как ответы, но не все способны их воспринять и осознать. Так, после главы, в которой Ахав якобы спрашивает ответа у кита-сфинкса, идет глава, где «Пекод» встречает корабль «Иероваам» - главное предостережение Ахаву.

Голова кита, таким образом, действует подобно древним оракулам. Она дала свой ответ, но услышать его или нет – выбор спросившего. Иероваам - предшественник Ахава, один из царей израильских, который пренебрег пророчеством Гавриила, из-за чего потерял сына. На корабле, названном именем этого царя, даже находится человек, выдающий себя за пророка Гавриила и заклинающий Ахава не охотиться на Моби Дика. Ахав пренебрегает этим предупреждением. Он закрыт к коммуникации, которой подсознательно жаждет. Из-за этого в глубине он найдет свою смерть, а Измаил, верящий в святую

мудрость всеобъемлющей глубины, из нее же получит жизнь в виде гроба-буя, который всплывет ему на подмогу.

Приведем еще несколько примеров.

Не менее важен для Мелвилла образ стены. И Ахав, и Измаил связывают Моби Дика со стеной. Оба считают, что «по ту сторону» стены все же есть что-то, что через живое существо связывается с ними. Но вот как по-разному они говорят об этом... Ахав восклицает: «Белый Кит для меня – это **стена, воздвигнутая прямо передо мною**. Иной раз мне думается, что по ту сторону ничего нет. Но это неважно. С меня довольно его самого, он **шлёт мне вызов**, в нём вижу **я жестокую силу, подкреплённую непостижимой злобой**». Снова исключительно негативная оценка, на этот раз с позиций образа стены. Стена для Ахава – это прежде всего стена темницы: «Как иначе может узник выбраться на волю, если не прорвавшись сквозь стены своей темницы?». Он ощущает стену-Моби Дика как всеохватывающую силу, стремящуюся только сковать и подчинить его, лишить свободы. Другой функции и возможности он не видит. Прорваться сквозь стену можно только насильно – пробив, сразив ее. «Всеобъемлющее» для Ахава – это «всезатачающее», которое необходимо уничтожить.

Для Измаила сравнение кита со стеной тоже не лишено смысла: «Передняя часть головы кашалота – это мёртвая, глухая стена, без единого органа, без единого чувствительного выступа», говорит он. Однако он не только не сомневается в том, что за ней что-то есть, он восхищенно описывает, что «эту глухую, непробиваемую стену» движет вперед «огромная живая масса,.. вся послушная единой воле». Стена – водораздел между человеком и трансцендентным, но Измаил видит его не сжимающимся вокруг, стремящимся погубить человека, а удивительной, вечно стремящейся вперед силой, которой

никак для существования не мешает эта стена ее непонимания человеком. В этом движении и в этой плотности стены вместе Измаил видит прежде всего энергию – не злую или добрую, но невероятно мощную, способную «взломать перешеек Дарьен» или «смешать воды Атлантики и Тихого океана». Вспомним о еще одном немаловажном аспекте ясперсовского понятия экзистенции:

«Экзистенция всегда находится в пути, то есть может проявить себя только как действительное движение»²³. Измаил понимает кита как экзистенцию, которую можно попробовать понять. Не надо для этого рушить стену, глава-рассуждение о голове кашалота как стене заканчивается образом покрывала статуи Изиды, который смертный не должен срывать, покуда боги не решат его сами открыть. За ним таится Истина. Получается, что за «стеной Моби Дика» - Истина, и Измаил зовет ее искать и жаждать, но никак не силой отбирать у трансценденции, иначе предрекает судьбу юноши из баллады Шиллера, погибшего у ног статуи Изиды. Покрывало Изиды, стена между человеком и всеобъемлющим, - это никак не тюрьма, но шифр, который надо стремиться осмыслить, но который нельзя стремиться уничтожать. И в этом искании и любовной жажде Истины только и может быть свобода человека. «Свобода не существует как нечто абсолютно законченное. Это прежде всего движение, динамика бытия. Таким образом, свобода есть путь человека во времени, который ведет также и к истине»²⁴.

Разрушением фантомной темницы свободы никак не добыть, ведь темница – мнимая, «всеобъемлющее» в бесконечном волевом движении может сообщаться с человеком, чувствующим это, но никак не может желать ему зла. Темница – это сам Ахав, его

23 Е. М. Полуяхтова «Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса»

24 Там же

неправильное понимание шифров трансцендентного, а потому так очевидна в его образе «разрушения стены» мотив самоубийства, а не поиска свободы или истины.

Ясперс говорил в своей экзистенциальной философии о пограничной ситуации, в которой (наравне с восхождением к трансцендентному и считыванию его смыслов) и может человеку «высветиться» экзистенция.

Для Измаила – все путешествие на «Пекоде» и есть такая пограничная ситуация. Он переживает, в конце концов, почти ту же ситуацию, что когда-то Ахав, оставшись на месте крушения корабля, который уничтожил Моби Дик. И если Ахав в этой ситуации оказался способен увидеть только посягательство злого трансцендентного на свою свободу, то Измаил, будучи открытым к экзистенциальной коммуникации, обладая необходимым, по Ясперсу, философским мышлением, смог увидеть во всем этом нечто иное – «проблеск трансценденции» и результатом явилась не порожденная тяга укоренить себя, отвергнув трансцендентное, но «странная книга», никак не претендующая на полное окончательное научное или философское постижение некоей Истины. И именно из этой своей декларируемой неполноты и отказа от окончательного познания как такого он смог перестать «противиться ссостоянию головокружения, которое охватывает нас в философствовании»²⁵, перестать противиться «требованию стоять на голове»²⁶ и уклоняться от «возрождения нашей сущности в трансцендированию»²⁷. Странные скачки ассоциаций и восхождения мысли от самых низших предметов китобойного промысла к

25 К. Ясперс «Философская вера» // К. Ясперс «Смысл и назначение истории» М., 1994, стр. 428

26 Там же

27 Там же

аллегориям на конечные понятия бытия, соединение без утверждения верной точки зрения самых немыслимых и не соединяемых качеств в одном (как добро и зло, ужас и благодать, выраженные в образе Кита) – все это в мышлении Измаила говорит о наличии у него философской веры, в которой и «заключены структуры подобных диалектик»²⁸, а ведь философская вера и есть, по Ясперсу, вера в коммуникацию.

Послесловие

«Я предпочитаю отказаться». Проблема неспособности к экзистенциальной коммуникации в творчестве Германа Мелвилла

«В этих письмах – прощение для тех, кто умер, во всем изверившись; надежда для тех, кто умер в отчаянии; добрые вести для тех, кто умер, задохнувшись под гнетом несчастий.

Посланцы жизни, эти письма гибнут в огне.

О, Бартлби! О, люди!»

«Писец Бартлби»

Герман Мелвилл

Мы кратко рассмотрели, как в романе Германа Мелвилла «Моби Дик» отражена способность и неспособность человека к коммуникации с трансцендентным в том ее аспекте, который Карлом Ясперсом понимается как необходимость для человека обладать философской верой.

Напоследок попробуем показать также, что проблема коммуникации в творчестве американского писателя проявлялась и на других уровнях.

²⁸ Там же, стр. 429

Как мы уже говорили, все образы у Мелвилла имеют не один и даже не два уровня, а множество. Выше мы рассматривали историю Ахава как оппозицию истории Измаила, и это приводило к утверждению Мелвиллом возможности для человека коммуницировать с трансцендентным. Однако Измаил оказался единственным выжившим, весь же «Пекод», в романе отождествляющийся также и с человечеством в целом, пошел ко дну после того, как своей целью принял охоту на Моби Дика и его убийство. В этом заключается некий присущий роману эсхатологический пафос. В этом содержится как бы и пророчество, сродни неявным пророчествам в самом тексте, конца человечества. И ведет к этому неверное понимание сути человеческой коммуникации с миром. Ясперс отмечает, что таким неверным путем для человека оказывается «предметное познание»²⁹, стремление установить с миром (другим человеком/природой/трансцендентным на разных уровнях коммуникации) отношения субъекта и объекта познания. Как мы уже говорили, именно размышление об этом дало толчок для развития всей экзистенциальной философии Ясперса (изначальное – нельзя воспринимать душевнобольного как объект познания, а не как экзистенцию). Мелвилл также отрицает предметное познание как способ коммуникации с миром, он видит в нем насилие над природой экзистенции и это может привести к катастрофе. Стремление к окончательному познанию есть по сути своей стремление уничтожить.

Если выражаться более поэтически, Кита нельзя стремиться загарпунить (познать, и как следствие уничтожить), в Кита нужно верить и о Ките нужно свободно мыслить. В этом залог того, что

29 К. Ясперс «Философская вера» // К. Ясперс «Смысл и назначение истории» М., 1994, стр. 428

коммуникация с трансцендентным состоится, что будут восприняты шифры трансцендентного. Но для этого сознание должно постоянно расширяться в экзистенциальной коммуникации, а не замыкаться на себе, как это было с Ахавом и другими вовсе неспособными к коммуникации.

А ведь такие герои, обделенные способностью к коммуникации, встречаются и в других произведениях Мелвилла. И как последовавшие за «Моби Диком», где на сюжетном уровне можно разглядеть пророчество гибели человечества, эти произведения тоже носят пессимистичный характер. Мелвилл переживает за утрачиваемую человеком способность к коммуникации и поэтому так часто и после «Моби Дика» он возвращается к этой теме в прозе и стихах, описывает ситуации разного уровня, в которых к трагедии ведет именно невозможность экзистенциальной коммуникации.

Упомянем под конец лишь о двух, на наш взгляд, важнейших повестях – «Писец Бартлби» и «Билли Бадд, формарсовый матрос». Герой, который тоже погибнет перед своей стеной, но по духу совершенно чуждый Ахаву, – писец Бартлби из одноименной повести Мелвилла. Воплощенная идея полной утраты способности коммуницировать, явленная в своем наиболее наглядном выражении. Единственное, что под конец способен произносить Бартлби – фраза «Я предпочитаю отказаться». И само явление такого персонажа – уже шифр, который автор предлагает осмыслить своему герою-рассказчику повести. Однако обычный делец с Уолл-стрит «со своими убеждениями» оказывается не способен на это. Загадка Бартлби для него неразрешима, он не видит в ней собственное отражение как Человека, утратившего всякую способность общаться с миром по-настоящему, экзистенциально. Мелвилл рисует довольно ужасающие портреты современных людей,

оторванных от этой связи с миром. В повести гибнет Бартлби – тихое воплощение оборванных коммуникационных связей, когда-то работник отдела «Невостребованных писем» - непрочитанных шифров, этих «посланцев жизни, гибнущих в огне», которых посылает Человеку трансцендентное, но которые остаются не то, что непрочитанными, но в современности даже и не востребованными вовсе.

В своей последней повести Мелвилл снова создаст не менее «говорящий» символ все той же атрофирующейся способности к экзистенциальной коммуникации у человека. Лучший из людей, воплощение идеала и чистоты, но заикающийся матрос Билли Бадд по справедливости будет вздернут на грота-рее лишь потому, что в решающий момент не сможет *объясниться*. В этой повести Мелвилл назовет неспособность к коммуникации печатью грехопадения.

Мелвилл чувствует, что изначально человек разделен с миром со времен грехопадения. И с тех пор нам закрыта возможность прямой и непосредственной коммуникации с всеобъемлющим, с трансцендентным. Но пути восхождения к нему есть, и они в стремлении к общению другого уровня, в вере в возможность этого общения, напрямую более недоступного нам. Писателя пугает век науки, «набирающей сил лишь для того, чтоб землю сжечь дотла». В ней он видит воплощение стремления человека познать мир, а это в корне стремление неверное, его пугает кризис религиозного мировосприятия, наиболее близкого к необходимому философскому, в котором только и возможно диалектически примерить противоречия: «В свой микроскоп уверовал простак: / Свет все светлей, все непроглядней мрак. / Танталовы испытываем муки: в рот не взять / Того, чем захотели обладать. / Паломничество – вот

земной удел, / Единственно завидный»³⁰. Мелвилл всем своим творчеством требовал одного – глубины. Глубины философской веры, а не поверхности предметного познания. Это нелегкий и тоже опасный путь, но легких путей нет у человека. Вступить в коммуникацию с трансцендентным тяжело, но отказаться от нее - губительно.

Список использованной литературы

1. Г. Мелвилл Собрание сочинений в трех томах, Л., 1988
2. К. Ясперс «Философская вера» в К. Ясперс «Смысл и назначение истории». М., 1994
3. Н. А. Шогенцукова «Опыт онтологической поэтики: Э. По, Г. Мелвилл, Дж. Гарднер». М., 1995
4. Ю. В. Ковалев «Герман Мелвилл и американский романтизм», Л., 1972
5. Э. Шнейдман «Душа самоубийцы», М., 2001
6. П.П. Гайденок «Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса»
ksana-k.narod.ru/Book/jaspers2/gaid.html

³⁰ Из поэмы «Клэрел», часть четвертая, глава XXXV. Пер. В. Топорова

7. А. Б. Демидов «Феномены человеческого бытия» на сайте
psylib.org.ua

К. Ясперс «Шифры трансценденции» [phil.usu.ru/library.htm?
category=3&id=58](http://phil.usu.ru/library.htm?category=3&id=58)

8. К. Ясперс «Стриндберг и Ван Гог»
ksana-k.narod.ru/Book/jaspers1/index.html

9. Е. М. Полуяхтова диссертация «Проблема экзистенциальной
коммуникации в учении Карла Ясперса» на сайте elar.urfu.ru